

ПАРАДОКС ФРЕЙДИЗМА.

Более чем за сто лет существования психоанализа как метода терапии неврозов и фрейдизма как целостной философско-мировоззренческой системы вокруг этих двух составляющих учения Зигмунда Фрейда сформировалось огромное поле всеразличнейших недопониманий и превратных толкований как всего учения в целом, так и отдельных его положений. Многие из этих недопониманий являются следствием банального нежелания примириться с выводами, сделанными Фрейдом относительно мотивов, определяющих поведение человека. Но не о них здесь речь. Есть среди общего их числа одно, которое скорее стоит отнести на счет невозможности, нежели нежелания понять. Причём, помимо этой своей особенности, оно ещё и тем достойно внимания философа, что напрямую касается проблемы историко-философской дефиниции фрейдизма, а, следовательно, и определения места этой философской системы в историко-философском процессе.

Автор настоящей статьи, столкнувшись с этим недопониманием в ходе исследования работ З. Фрейда, а так же творчества его комментаторов и критиков, решил дать причине, его породившей, название “парадокс фрейдизма”.

Разумная способность человеческой души, то есть осознание каждым конкретным человеком себя - как существа, обладающего контролируемой волей, а вследствие чего способного на независимое полагание целей своей деятельности – фрейдизмом, по сути, отрицается. Сообразное этим целям действие и достижение запланированных результатов, по мнению З. Фрейда,

является фикцией. Психоаналитическим учением человек лишается того, что он бы мог назвать своей собственной волей, и это сразу влечёт за собой утрату им любой возможности полагать цели и совершать действия по их достижению.

Всё, что бы ни делал человек, в своей основе имеет бессознательные мотивации - иными словами, неосознаваемую и, таким образом, иррациональную волю. Сознание же, в предшествующей философии бывшее всемогущим, приобретает в рамках фрейдизма статус не более чем простого органа восприятия раздражений. З. Фрейд обратился к обществу со словами: “Покрывало рациональности слишком коротко...”. [16, 168] А после и вовсе сдёрнул это покрывало, оставив нас незащищенными перед лицом нашей собственной неразумной природы.

Однако именно эти слова, сказанные на научном языке, в большинстве случаев ставило барьеры на пути точного усвоения основной идеи психоаналитической философии. Ведь наука, существование которой целиком и полностью зависит от конкретных индивидов, выдвигающих гипотезы и теории и экспериментальным путём добывающих их подтверждения или же опровержения, и иррационализм, который отвергает саму возможность такого течения событий, - это две абсолютно несовместимые вещи. Таким образом, мысль о том, что теория, обладающая очевидно научным обрамлением, может в качестве своего ядра иметь иррациональное мировидение, просто не могла уложиться в голове того, кто эту теорию воспринимал. Такое представление не имело шансов оцениваться иначе, кроме как абсурдное.

Абсурдность с необходимостью должна была быть устранена. Этого можно было достичь двумя путями. Первое, что можно было сделать, - это лишить психоанализ статуса научности. Второе –

устранить из понимания его иррациональную составляющую. Надо сказать, что попытки движения по первому пути, как при жизни Фрейда, так и после его смерти предпринимались неоднократно. В качестве примера можно привести такое рассуждение одного из критиков психоанализа Г. Уэллса: “Ортодоксальная фрейдовская система мысли была совершенно лишена внутренних противоречий. Это – свидетельство творческой последовательности её автора. Однако внутренняя логика, сила и симметричность теории достигалась ценой игнорирования многих уже приобретённых человеком знаний. Они были куплены ценой противоречия с такими науками, как биология, физиология, медицина, антропология социология, история и экспериментальная психология”. [13, 39]

Огромное количество обвинений в научной несостоятельности, опровержений теории в целом или же некоторых её частей со стороны представителей отдельных отраслей науки непрерывно сыпалось и продолжает сыпаться на психоаналитическое учение. Ф.В. Бассин и М.Г. Ярошевский в статье “Фрейд и проблемы психической регуляции поведения человека” замечают по этому поводу: “Ни одно, пожалуй, направление психологической мысли не подвергалось такой резкой и никогда не прекращавшейся критике, как со стороны тех, кто идеи этого направления в той или иной степени признавал, так и тем более со стороны тех, кто эти идеи отвергал”. [1, 436] Причём доказать ненаучность фрейдизма пытались не только многие учёные, но также философы и богословы, как, например, Л. Виттгенштейн [3, 511-512] или же Т.С. Элиот. [14, 378]. Однако все их аргументы зачастую разбивались при столкновении с тем имиджем фрейдизма, который был создан Фрейдом и его учениками.

Естественно, что З. Фрейд не желал упустить из своих рук ключ к манипулированию общественным сознанием, коим была - да и

по сей день является - наука, а потому он крайне редко оставлял без внимания критику в свой адрес. В каждой из своих работ, которые, надо сказать, написаны более простым и доступным языком, чем работы многих его противников, он уделяет определённое место именно спорам со своими оппонентами.

Причем этот спор никогда не ведется в однообразной манере. 3. Фрейд пользуется различными средствами убеждения. Часто он отвечает на аргумент того или иного своего противника одним или несколькими контраргументами. Но он прекрасно понимает, что такая тактика может привести лишь к возрастанию потока аргументов противоположной стороны. Увязнув же в научных спорах, можно с лёгкостью потерять интерес широкой публики.

Поэтому 3. Фрейд примеряет на себя маску непонятого гения, уставшего от постоянных нападков со стороны бездарностей различного рода, и заявляет следующее: “Я не смог убедиться в правильности положения, что спор – отец всех вещей. Я думаю, оно происходит из греческой софистики и страдает, как и она, переоценкой диалектики. Мне же, напротив, казалось, что так называемая научная полемика в общем довольно бесплодна, не говоря уже о том, что она почти всегда ведётся крайне лично”. [16, 155]

Наиболее же сильное воздействие на читателя оказывают истории Фрейда о том, как того или иного из “великих людей” ему удалось “обратить в свою веру”. “Ах, Вы так это понимаете”, - сказал он облегчённо и пожал мою руку. Мы беседовали в добром согласии ещё несколько часов”, - по смыслу примерно так заканчивается любое подобное повествование. [16, 378] Теперь на авторитет Фрейда работает ещё и образ “новообращённого” великого человека, непогрешимости суждений которого общество уже в силу самого его величия не может не верить.

Как мы видим, логической аргументации 3. Фрейд явно

предпочитает аргументацию, построенную на эмоциях или же на доверии, которое, в конечном счёте, тоже не более чем эмоция. Его объяснения, на самом деле, не должны были ничего объяснять, они призваны были волновать человека, возбуждать в нём интерес - и не более того. То, что Фрейд предпочитал именно такой способ донесения своей мысли, лишний раз с очевидностью свидетельствует об иррационализме его мировосприятия. А доказательством справедливости его суждений о человеке в данном случае был призван служить тот факт, что его аргументы по силе их влияния на каждого конкретного индивида значительно превосходили все аргументы противоположной стороны.

Общество в массе своей с пренебрежением отмахнулось от мнения исследователей, настаивавших на ненаучности психоанализа. Доказательство такого отношения к научной критике мы можем найти в словах, сказанных о З. Фрейде С. Цвейгом: “Его труды и их ценность давно уже не зависят от второстепенного вопроса о том, большее или меньшее число невротиков вылечиваются ежегодно посредством психоанализа, а также от правильности отдельных пунктов и положений его вероучения... – всё это давно стало предметом богословских споров приват-доцентов и не имеет никакого касательства к непреходящему культурно-историческому факту открытия им душевной динамики и новой технической постановке вопроса”. [20, 448-449]

Так и получается, что, несмотря на всю критику, на постоянные попытки похоронить его или же просто предать забвению, фрейдизм в его научном оформлении вовсе не собирается умирать. Он прочно закрепился в психологии и психиатрии [5, 41], его теории находят свое применение в биологии [3, 262], этологии [7, 211-212], нейрофизиологии [11, 358], истории, этнографии, религиоведении [12, 345], искусствоведении, литературоведении [4, 122] и многих других областях научного знания. Психоанализ

продолжает владеть умами многих, раз за разом на многочисленные “официальные некрологи” отвечая словами М. Твена, однажды повторенными Фрейдом: “Известие о моей смерти сильно преувеличено”. [18, 26]

Итак, лишить учение З. Фрейда статуса научности посредством научной критики не удалось. Первый путь себя не оправдал. Парадокс, связанный с совмещением в одном явлении двух явно несовместимых элементов, остался в силе. Вся надежда критиков теперь возлагается на второй вариант движения мысли, т.е. на устранение из понимания фрейдизма его иррациональной составляющей. В данном случае это будет соответствовать проявляющемуся в том или ином виде возвращении сознанию его доминирующего положения в психической жизни человека и постепенному принижению роли бессознательного.

Движение в этом направлении изрядно облегчается тем обстоятельством, что представления о бессознательном возникли задолго до З. Фрейда, и обсуждались как учеными, так и философами – рационалистами. Многие исследователи феноменов человеческой психики указывали на наличие в ней - наряду со всегда осознаваемыми - скрытых от нашего сознания элементов. Однако, в отличие от того бессознательного, идея которого была высказана Фрейдом – то есть динамического, всегда активного и деятельного бессознательного – бессознательное в его понимании большей частью учёных и философов было пассивным довеском сознательной части души.

Бессознательная деятельность, с общепризнанной точки зрения, базировалась на актах повторения однажды заученных действий. Таким образом, она объявлялась по своей природе консервативной, несамостоятельной, имеющей лишь второстепенное значение по сравнению с деятельностью сознания. Бессознательное обычно представляли себе как “какой-то

устойчивый, раз и навсегда готовый придаток душевной жизни”. [2, 26]. Обобщая сведения о бессознательном, Д. Мордухай-Болтовский писал следующее: “Бесспорно, что огромная часть мыслительной работы совершается в тайниках подсознательной жизни, рядом с главной психикой прядут свою пряжу и низшие психики. Но работа последних определяется высшей”. [10, 108]

В отличие от фрейдистского иррационального бессознательного, это было бессознательное рациональное. Оно абсолютно не отрицало сознательной воли индивида и разумного целеполагания. Даже наоборот, оно в меру своих ограниченных сил помогало сознанию в выполнении его функций. Если человек ставил перед собой несколько целей, лишь одна из которых требовала постоянной концентрации его внимания, то выполнение остальных он мог вполне отдать на откуп бессознательной части своей психики.

Например, я осознаю, что мне в данный момент времени необходимо совершить следующие действия: проделать путь из пункта А в пункт В, съесть яблоко и подумать о бренности всего сущего. Из этих действий я выбираю одно, которое наиболее важно для меня. Очевидно, что это будет размышление о бренности всего сущего. Таким образом, я оставляю бренность всего сущего у себя в сознании, задачи же движения и поглощения яблока я препоручаю своему бессознательному - тому бессознательному, которое сформировалось внутри меня на протяжении всех лет моей жизни, и которое обладает определёнными знаниями о порядке выполнения определённых действий.

Причём это бессознательное предполагает за собой несколько ступеней осознанности. Так, если я знаю, что по пути мне придётся пересекать дорогу, то я могу приказать своему бессознательному на данном этапе привлечь моё внимание к процессу ходьбы, т.е. поднять этот акт из своих глубин к поверхности. После чего,

посмотрев налево и направо, и тем самым, предотвратив возможность трагической случайности, грозящей прервать мои размышления о бренности всего сущего, я могу приказать ходьбе вернуться в глубины. Акт поедания яблока при этом вполне может оставаться постоянно неосознаваемым. Если же мне надоеет думать о сущем, и я захочу подумать о яблоке, то мне необходимо будет просто переключить своё внимание на него, чтобы получить всю гамму тех ощущений, которым надлежит способствовать мне в наилучшем понимании яблока.

За ступенями осознанности, которые помогают мне в обыденных моих проявлениях, конечно, существуют и другие - более глубокие, помогающие проистекать как физиологическим, так и психическим процессам, в постоянном осознании которых у меня просто не возникает потребности. Однако алгоритм, представленный выше в предельно упрощённом виде, оказывается справедливым и для них. Насколько бы глубоки и бессознательны не были слои психики, мне достаточно только направить свою волю на их исследование, должным образом сконцентрировать внимание, возможно, проявить выдержку и самообладание, как они не преминут открыть себя моему испытующему взору во всём богатстве своих проявлений.

Именно в замещении такого рода бессознательным исконно фрейдистского бессознательного большое число тех, кто интересовался учением З. Фрейда, склонно было находить своё интеллектуальное спасение. “Многие исследователи, - писал Фрейд по этому поводу, - не отвергающие признания психоаналитических фактов, но не соглашающиеся с существованием бессознательного, получают сведения, опираясь на неоспоримый факт, что сознание, как феномен содержит в себе большой ряд ступеней интенсивности или отчётливости. Как есть процессы, которые очень живы, резки и явно сознательны, так мы

переживаем и другие, лишь слабо, едва заметно осознаваемые; а слабее всего, якобы, осознаются именно те, которые психоанализ хочет назвать неподходящим словом бессознательные. Но они, будто бы, в то же время и осознанны или находятся “в сознании”, и их можно сделать в полной мере осознанными, если им уделить достаточно внимания”. [15, 354-355]

Тщетно З. Фрейд на этот раз пытался использовать свои риторические ухищрения, приводя в целях пресечения нежелательных тенденций критической мысли красочные сравнения, на самом деле ничего не доказывающие. “Указания на шкалу отчётливости осознанности,- писал он,- не содержит ничего обязательного и не имеет больше доказательности, чем, например, аналогичные положения; есть столько ступеней освещения, начиная от резкого слепящего света и кончая слабыми проблесками мерцания, что темноты, следовательно, вообще не существует; или – есть различные степени витальности, значит, нет смерти. Эти положения, быть может, в известном смысле и содержательны, но практически они не применимы, и это тотчас же обнаруживается, если выводить из них заключения, например: значит, света зажигать не надо или, следовательно, все организмы бессмертны”. [15, 355]

Тождество сознательного - то есть рационального - и психического постепенно восстанавливалось в умах, и теперь оно с лёгкостью применялось к рассмотрению фрейдистской концепции, даже если при этом и забывалось, что психоанализ как раз и начался с уничтожения такого тождества. В конечном счёте, именно отвергаемое З. Фрейдом представление о психике утвердилось и среди тех, кто считал себя последователями психоанализа, и среди тех, кто его опровергал или же просто пытался по возможности беспристрастно исследовать. Бессознательному в большей или меньшей степени возвращалась

подконтрольность и рациональность, а о Фрейде теперь говорили не иначе, как о рационалисте.

Так, в начале 20-го столетия Р. Ролан, споря в одной из своих книг с теми, кого он сам называет “крайними рационалистами”, упоминает среди их числа и имя Фрейда, при этом с солидной долей иронии сопровождая его эпитетом “grand” - большой, важный. [17, 396] Примерно в то же время В.Н. Волошинов, описывая теорию Фрейда, говорит следующее: “Вся психическая динамика Фрейда дана в идеологическом освещении сознания. Это, следовательно, динамика не психических сил, а только различных мотивов сознания”. [2, 76]

Такое отношение к фрейдизму широко распространено и по сей день. В работе, носящей название “Миссия Зигмунда Фрейда”, её автор, известный психоаналитик Э. Фромм, дает следующую характеристику своему духовному наставнику: “Самая поразительная и, наверное, самая могущественная эмоциональная сила Фрейда – страстная любовь к истине, бескомпромиссная вера в разум; разум был для него той единственной способностью, которая может помочь в решении проблемы существования человека или, по крайней мере, смягчить страдания, неизбежные в человеческой жизни”. [19, 4] Далее в этой же книге отношение Фрейда к бессознательному описывается Э. Фроммом, как “критический интерес рационалиста” [19, 57], а целью его учения называется “покорение страстей разумом”. [19, 97]

Ещё один исследователь творчества Фрейда - Р. Дадун - выражает во многом схожую с фроммовской точку зрения: “Никогда аналитическая рациональность, не ставится под сомнение, не подвергается торможению в своём движении. Но разум расширяется, обогащается, живёт в согласии со вселенной, которую он постоянно пытается осветить и в темноту которой продолжает погружаться”. [3, 484]

В отечественной исследовательской литературе такое мнение наиболее ярко представлено В.М. Лейбиным, который, описывая деятельность З. Фрейда, замечает: “Он не просто интересуется описанием бессознательного как чего-то отрицательного, находящегося вне сознания, а рассматривает именно позитивную составляющую бессознательного психического, те его свойства, которые свидетельствуют о самобытности и специфичности данной сферы человеческой психики, качественно и содержательно отличающейся от сознания”. [6, 125] Далее же он пишет: “Одна из задач психоаналитической философии состоит в том, чтобы выявить смысл бессознательных процессов, раскрыть их смысловые связи в содержательном, позитивном значении. Поэтому более корректно и правильно, видимо, говорить о психоаналитическом понятии бессознательного как позитивного, а не негативного концепта”. [6, 125]

И, в конечном счёте, замыкая круг сведения бессознательного к поэтапно осознаваемому сознательному, то есть иррационализма к рационализму, В.М. Лейбин делает следующее заключение: “Понимание феноменологии бессознательного у Фрейда во многих отношениях совпадает с описанием бессознательных процессов, имевших место в философских работах XIX в., авторы которых признавали существования бессознательного психического. Как в том, так и в другом случае бессознательные процессы противопоставляются сознательным и рассматриваются проблемы перехода бессознательных представлений в сферу сознания”. [6, 126]

Подобная трактовка учения З. Фрейда на данный момент времени является повсеместной. Она с некоторыми вариациями преобладает как в научных, так и в философских исследованиях, посвящённых данному вопросу. Бессознательное утрачивает статус хозяина человеческого существа, оно абсолютно в духе

рационалистической философии и вытекающей из неё рационалистической психологии рассматривается как область, в основе своей подчинённая сознанию, предстает как раб сознания. Правда, за этим рабом признаётся определённое право на бунт, и в таком случае бессознательное становится проблемой для сознания. Но бунт всегда может быть усмирён: сознание может обратиться к бессознательному с отеческими увещаниями, и оно, покорное, согласится со всеми предъявляемыми к нему требованиями.

Такое представление о бессознательном вполне соответствует представлениям множества развившихся на почве фрейдизма, но позже по тем или иным причинам отошедших от него психоаналитических школ. В качестве примера здесь можно привести направления в аналитической терапии, основанные самыми известными “отступниками”. Таковой является школа А. Адлера, уже само название которой - “школа сравнительной и индивидуальной психологии” - свидетельствует что её приоритетом является рассмотрение взаимодействия определенного индивида с остальными индивидами, составляющими его окружение. А это, естественно, предполагает понимание человека не как бессознательного существа, а как личности движимой той или иной, но не всегда осознанной собственной целью. В основу же представления об этой личности Адлером кладётся принцип “единства человеческой психики” - т.е. всё то же пресловутое тождество сознательного и психического. [9, 157]

В качестве второго примера нами может быть рассмотрено направление, основателем которого стал К.Г. Юнг – “школа аналитической психологии”. Юнг развил свои теоретические построения, решая вопрос, само существование которого изначально не соответствует иррационалистическим установкам

Фрейда: “Что делать с бессознательным?”. [9, 160] Ответ же, который Юнг даёт, полностью вписывается в рационалистические представления о бессознательном: бессознательное должно быть осознано. [9, 167] Проблема бессознательного возникла, проблема бессознательного снята. Изначальный хаос устранён, и человеческая психика теперь вполне может претендовать на то, чтобы стать рациональным “стержнем мира”: “не просто основным условием существования мира вообще, но постоянным вторжением в существующий естественный порядок”. [21, 150]

Однако, как обе эти школы не имеют ничего общего с изначально психоанализом - что неоднократно подчёркивалось самим Фрейдом [16, 388] - так и представления о бессознательном, соответствующие представлениям этих школ, никакого отношения не имеют к представлениям “ортодоксального психоанализа”, т.е. психоанализа в его фрейдовском варианте. Но общественность крайне последовательно старается не замечать этого. Одинокое голоса, вроде голоса М.К. Мамардашвили, который настойчиво указывал слушателям своих лекций на то, “что в действительности основной проблемой психоанализа является не бессознательное, а сознательное” [8, 369], зачастую остаются не услышанными. Люди не захотели по новому взглянуть на своё сознание, они предпочли вернуть старое бессознательное, подспудно находя выход из того тупика понимания, в который их загнал Фрейд.

Литература:

1. Бассин Ф.В., Ярошевский М.Г. *Фрейд и проблемы психической регуляции поведения человека* // Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. - М., 1991.
2. Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин). *Фрейдизм*. - М., 1993.
3. Дадун Р. *Фрейд*. - М., 1994.
4. Краус В. *Зигмунд Фрейд и литература* // Вопросы философии. - 1995. - №2.

5. Лебединский М.С. Очерки психотерапии. – 2-е изд. - М., 1971.
6. Лейбин В. М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. - М., 1990.
7. Лоренц К. Агрессия (так называемое “зло”). - М., 1994.
8. Мамардашвили М.К. О психоанализе // Отечественный психоанализ. Хрестоматия. - СПб., 2001.
9. Марсон П. 25 ключевых книг по психоанализу. - Челябинск, 1999.
10. Мордухай-Болтовский Д. Случай и бессознательное // Вопросы философии и психологии. Книга 1. - М., 1912.
11. Роуз С. Устройство памяти. От молекул к сознанию. - М., 1995.
12. Токарев С.А. Начало фрейдистского направления в этнографии и истории религии.// Отечественный психоанализ. Хрестоматия. - СПб., 2001.
13. Уэллс. Г. Крах психоанализа. От Фрейда к Фромму. - М., 1968.
14. Феррис П. Зигмунд Фрейд. - Мн., 2001.
15. Фрейд З. “Я” и “Оно” // “Я” и “Оно”: Труды разных лет. Книга 1. - Тбилиси, 1991.
16. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. - М., 1991.
17. Фрейд З. Избранные письма // “Я” и “Оно”: Труды разных лет. Книга 1. - Тбилиси, 1991.
18. Фрейд З. Очерк истории психоанализа.// Толкование сновидений: Сб. произведений. - М., 2000.
19. Фромм Э. Миссия Зигмунда Фрейда. Анализ его личности и влияния. - М., 1996.
20. Цвейг С. Зигмунд Фрейд // Вчерашний мир. - М., 1991.
21. Lee Jae Hoon, *The Exploration of The Inner Wounds* – Han. Atlanta, Georgia: Scholars Press, 1994.